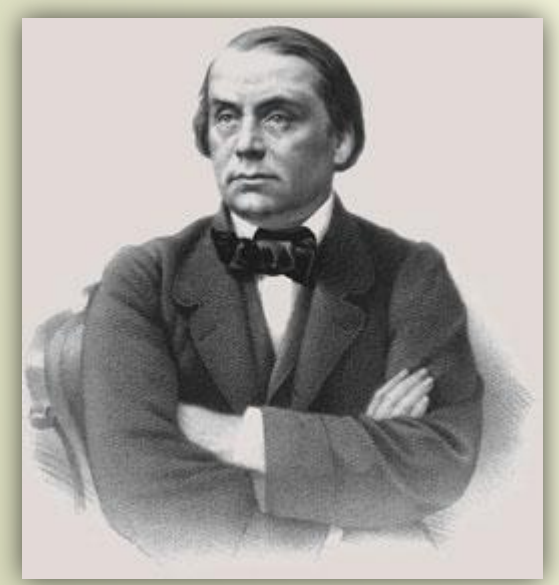
Кругосветное путешествие И.А.Гончарова



Гончаров Иван Александрович (1812-1891)

В начале октября 1852 г. Гончаров неожиданно для себя отправился в кругосветное путешествие. «Один из наших военных кораблей идет вокруг света на два года. Аполлону Майкову предложили, не хочет ли он ехать в качестве секретаря этой экспедиции… Он отказался и передал мне. Я принялся хлопотать из всех сил; всех, кого мог, поставил на ноги…»

Так писал Гончаров Е.А. Языковой в сентябре 1852 г., незадолго до своего отъезда. «Вы, конечно, спросите, зачем я это делаю. Но если не поеду, ведь, можно, пожалуй, спросить и так: зачем я остался?»

И Гончаров быстро принял это решение. «Я радостно содрогнулся при мысли: я буду в Китае, в Индии, переплыву океаны, ступлю ногою на те острова, где гуляет в первобытной простоте дикарь, посмотрю на эти чудеса… Скорей, скорей в путь!» (VI, 5).

И.А.Гончаров стал участником кругосветного путешествия на парусном военном корабле — фрегате «Паллада» — в качестве секретаря начальника экспедиции вице-адмирала Путятина. Она была снаряжена для инспекции русских владений в Северной Америке — Аляски, принадлежавшей в ту пору России, а также для установления политических и торговых отношений с Японией.

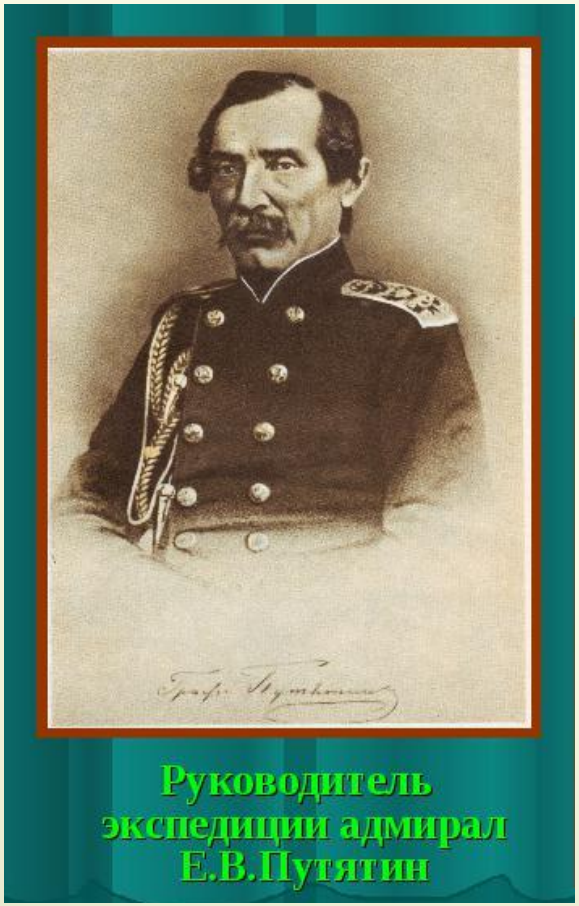
Фрегат «Паллада»

Фрегат «Паллада» российского военного флота. Заложен на Охтинском Адмиралтействе в Санкт-Петербурге 2 ноября1831 года, спущен на воду 1 сентября 1832 года. Длина фрегата — 52,8 м, ширина — 13,6 м, вооружение — 52 орудия. Строился под руководством известного судостроителя XIX века, полковника корпуса корабельных инженеров В. Ф. Стокке. Первым капитаном фрегата стал капитан-лейтенант П. С. Нахимов.

Дипломатическая миссия русских в Японию

Адмирал **И. С. Унковский**.

В 1852—1855 годах фрегат «Паллада» под командованием капитана И. С. Унковского совершил с дипломатической миссией вице-адмирала Е. В. Путятина плавание из Кронштадта через Атлантический, Индийский, Тихий океаны к берегам Японии. В этом рейсе участвовал писатель И. А. Гончаров, написавший цикл путевых заметок.



Чихачев Николай Матвеевич
1830 - 1917

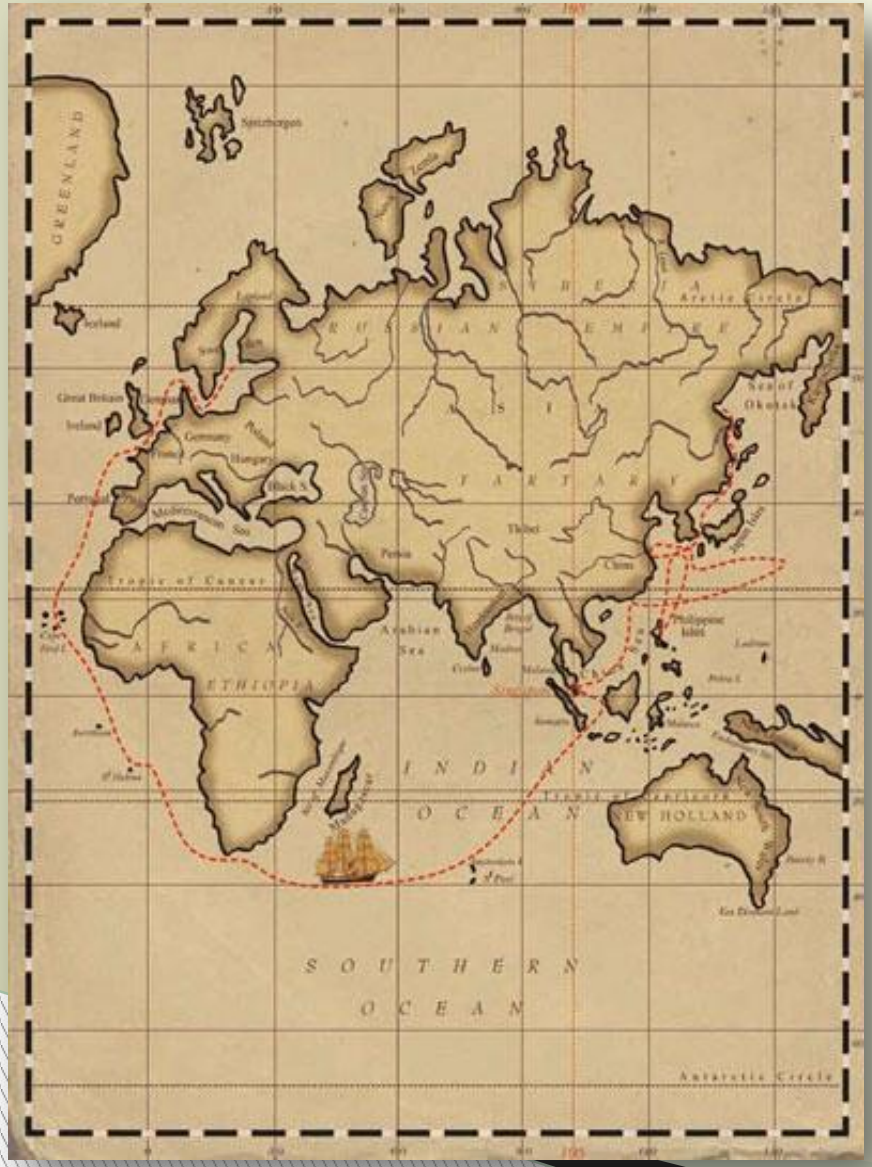
26 июля «Паллада» вошла в порт Ллойд (Футами) на острове Пиль (Титидзима), где ее ожидали русский корвет «Оливуца» под командованием Н.М.Чихачёва, транспорт «Князь Меншиков» и шхуна «Восток».

Весь переход от Англия до острова Пиль, сквозь штормы и тайфуны, фрегат продемонстрировал исключительные мореходные качества.

После исправления повреждений отряд Путятина 4 августа покинул порт Ллойд и уже через 6 дней бросил якорь в средней гавани Нагасаки.

Хотя японские власти приняли русских любезно, в переговорах они придерживались тактики проволочек. Не имея возможности ускорить переговоры, Путятин прервал их и в конце января 1854 года увел свои корабли в Манилу. После кратковременной стоянки «Паллада» направилась для гидрографического описания почти не исследованного восточного берега Кореи. Тогда под руководством К. Н. Посьета русские моряки открыли заливы Посьета и Ольги, бухты Унковского и Лазарева, острова Хализова и Гончарова и рейд «Паллада».

Карта плавания фрегата «Паллада"



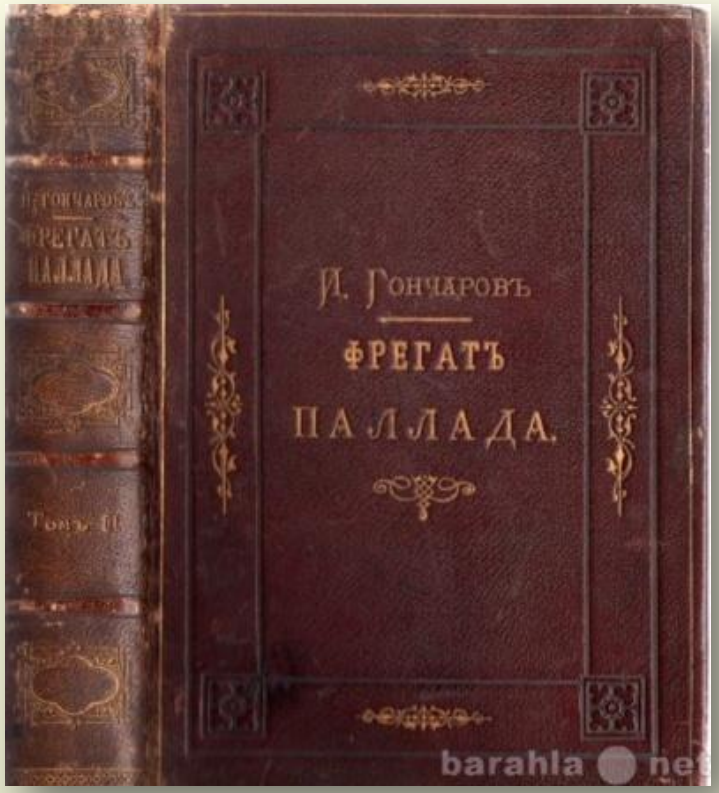
Гончаров представил себе, каким множеством впечатлений обогатит себя и своё творчество. С первых же дней путешествия он начинает вести подробный путевой журнал. Он и лёг в основу будущей книги «Фрегат „Паллада“». Экспедиция продолжалась почти два с половиной года. Англия, мыс Доброй Надежды, Ява, Сингапур, Гонконг, Япония, Китай, Ликейские острова, Филиппины, обратный путь через Сибирь — главные вехи этого путешествия.

«Как прекрасна жизнь, между прочим и потому, что человек может путешествовать!» (VI, 102). Это восклицание Гончарова вполне характеризует интерес к местам, которые он посещал.

Цикл путевых очерков «Фрегат «Паллада"

Путешествие Гончарова можно считать кругосветным лишь условно. Он вернулся в Петербург 13 февраля 1855 года, а уже в апрельской книжке «Отечественных записок» появился первый очерк. Последующие фрагменты публиковались в «Морском сборнике» и различных журналах на протяжении трёх лет, а в 1858 году всё сочинение вышло отдельным изданием.

Цикл путевых очерков «Фрегат „Паллада“» (1855—1857) — своеобразный «дневник писателя». Книга сразу же стала крупным литературным событием, поразив читателей богатством и разнообразием фактического материала и своими литературными достоинствами. Книга была воспринята как выход писателя в большой и плохо знакомый русскому читателю мир, увиденный пытливым наблюдателем и описанный острым, талантливым пером. Для России XIX века такая книга была почти беспрецедентной.

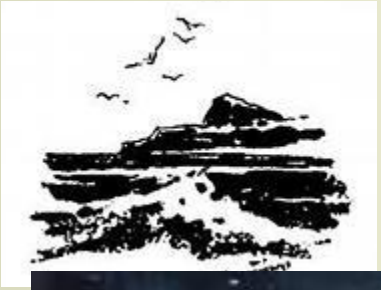


От Кронштадта до берегов Англии

В очерке «От Кронштадта до мыса Лизарда» Гончаров ярко охарактеризовал Лондон и Англию эпохи расцвета капитализма. Изображение это содержало в общем положительную оценку быта буржуазного английского общества, буржуазного «комфорта». Однако наряду с этим отметил: «Незаметно, чтоб общественные и частные добродетели истекали из светлого, человеческого начала...»

А так Гончаров описывает Вестминстерское аббатство:

«Такие народные памятники — те же страницы истории, но тесно связанные с текущей жизнью… Меня поразил готический стиль в этих колоссальных размерах. Я же был во время службы с певчими, при звуках великолепного органа. Фантастическое освещение цветных стекол в стрельчатых окнах, полумрак по углам, белые статуи великих людей в нишах и безмолвная, почти недышащая толпа молящихся…»



Из главы «На Мысе Доброй Надежды»

На островах Зеленого Мыса, на Мадере, здесь — все негры, мулаты, готтентоты и малайцы (этих много навезли сюда еще голландцы), все говорят по-английски, хотя острова Зеленого Мыса принадлежат португальцам. *Учитесь, друзья мои, по-английски, учитесь, чтоб ехать путешествовать,* скоро надо будет учиться и для того по-английски, чтоб с большим удобством дома сидеть. Я благословляю судьбу, что учился…

Вчера мы сделали огромную прогулку по всему Капштату, к подошве Столовой горы, рядом с ней Чортова, слева, а справа Львиная гора.

Львиная гора в самом деле похожа на лежащего льва, а вот Столовая, не знаю почему Столовая гора. Это просто плоскость, круто обрубленная отвесно. Вчера она *накрывалась скатертью*, то есть облаками, которые спускаются по обрыву.

Остров Ява

От мыса Доброй Надежды предположено было идти по дуге большого круга: спуститься до 38˚ южной широты и идти по параллели до 105˚ восточной долготы; там подняться до точки пересечения 30˚ южной широты. Мы ушли из Фальсбея 12 апреля.

13-го мая мы прошли в виду необитаемого острова Рождества, похожего немного фигурой на наш Гохланд. …Завидели берега Явы, хотели войти в Зондский пролив между Явой и островком Принца, в две мили шириною, покрытым лесом красного дерева. На нем две-три маленькие деревушки; но течением отнесло дальше… Вода — как зеркало, небо безмятежно — так и любуются друг другом: ничто не дохнет в природе. Берег — одна зеленая кайма.

На другой день утром мы ушли, не видав ни одного европейца, которых всего трое в Анжере. Мы плыли дальше по проливу между влажными, цветущими берегами Явы и Суматры. Местами, на гладком зеркале пролива, лежали, как корзинки с зеленью, маленькие островки, означенные только на морских картах под именем Двух братьев, Трех сестер. Кое-где были отдельно брошенные каменья, без имени, и те обросли густою зеленью.

Гончаров в Сингапуре

25-го мая.
Утро. Солнце блещет, и всё блещет с ним. Какие картины вокруг! Какая жизнь, суматоха, шум! Что за лица! Какие языки! Кругом нас острова, все в зелени; прямо, за лесом мачт, на возвышенностях, видны городские здания. Джонки, лодки, китайцы и индийцы проезжают с берега на суда и обратно, пересекая друг другу дорогу. Направо и налево от нас — всё дико; непроходимый кокосовый лес смотрится в залив; сзади море.

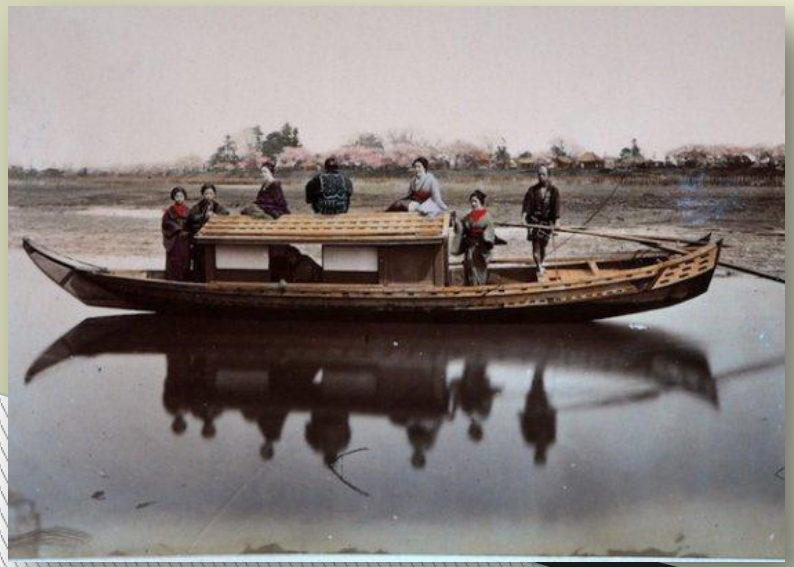
Я заглянул за борт: там целая флотилия лодок, нагруженных всякой всячиной, всего более фруктами. Ананасы лежали грудами, как у нас репа и картофель, — и какие! Я не думал, чтоб они достигали такой величины и красоты.

А что за физиономии на лодках! Вот старый индиец, черный, с седыми бакенбардами и бородой, растущей ниже губ, кругом подбородка. А вот малаец, цвета красной меди, гребет двумя вместе связанными веслами, толкая их вперед от себя.

Гончаров о Японии

9-го августа… завидели мы тридесятое государство. Это были еще самые южные острова, крайние пределы, только островки и скалы Японского архипелага, носившие европейские и свои имена. Тут были Юлия, Клара, далее Якуносима, Номосима, Ивосима, потом пошли *саки*: Тагасаки, Коссаки, Нагасаки.

Вот достигается наконец цель десятимесячного плавания, трудов. Вот этот запертой ларец, с потерянным ключом, страна, в которую заглядывали до сих пор с тщетными усилиями склонить, и золотом, и оружием, и хитрой политикой, на знакомство.



Вдруг появилась лодка, только уж не игрушка, и в ней трое или четверо японцев, два одетые, а два нагие, светло-красноватого цвета, загорелые, с белой, тоненькой повязкой кругом головы, чтоб волосы не трепались, да такой же повязкой около поясницы - вот и всё. Впрочем, наши еще утром видели японцев.

У берегов Китая

14-го.
Вот и Saddle Islands, где мы должны остановиться с судами, чтоб нейти в Шанхай и там не наткнуться или на мель, или на англичан, если у нас с ними война. Мы еще ничего не знаем. Да с большими судами и не дойдешь до Шанхая: река Янсекиян вся усеяна мелями

Я вижу берег теперь из окна моей каюты: это целая группа островков и камней, вроде знаков препинания; они и на карте показаны в виде точек. Они бесплодны, как большая часть островов около Китая; ветры обнажают берега. Впрочем, пишут, что здесь много устриц и — чего бы вы думали? — нарциссов!

Сию минуту К. Н. Посьет вызвал меня посмотреть рыбачий флот. Я думал, что увижу десятка два рыбачьих лодок, и не хотел выходить: вообразите, мы насчитали до пятисот…

Наши моряки любуются, как они ловко управляются на море с своими красными бочкообразными лодками и рогожными парусами: видно, что море — их стихия.

Из V главы «Манила»

Лишь только встали мы утром 16 февраля, я вышел на ют смотреть Манилу. «Где же она?» — думал я, поглядев вокруг себя: пусто! Мы, по-вчерашнему, в море; вдали синеют берега; это мы видели всякий день, идучи под берегом Люсона. «Да где же Манила?» — спрашиваю. «А вон, вон», — говорит дед, показывая пальцем вдаль. «Да вы не туда смотрите; вон где!» — прибавляет он, повертывая меня за плечо. Вижу едва заметную кайму берега; на нем что-то белеет: не то домы, не то церкви; сзади, вдалеке, горы.

А вот описание «тагалки»:
«Как хорош смуглый цвет при живых, страстных глазах и густой черной косе, которая плотным узлом громоздится на маленькой голове напоказ всем, без всякого убора! Вас поразила бы еще стройность этих женщин: они не высоки ростом, но сложены прекрасно, тем прекраснее, что никто, кроме природы, не трудился над этим станом…»

Роль книги «Фрегат «Паллада» в творчестве И.А.Гончарова

Очерки “Фрегат “Паллада” представляют собой творческий документ, важный для характеристики идейно-политических взглядов Гончарова. Это художественное произведение, в котором наблюдения и впечатления писателя-путешественника художественно преображены и осмыслены под определенным углом зрения.

“Фрегат “Паллада” проникнут глубокой любовью Гончарова к своей стране, к русскому народу. “История плавания…корабля, этого маленького русского мира, с четырьмястами обитателей, носившегося два года по океанам, своеобразная жизнь плавателей, черты морского быта – все это также само способно привлекать и удерживать симпатии читателей”,– говорил Гончаров в предисловии к очеркам.

И. А. Гончаров много раз перерабатывал «Фрегат «Паллада» (вплоть до издания 1879 года), но не стремился в процессе переработок представить главы как письма и вместе с тем сохранял порой неожиданные ссылки на письмо. Писателю было важно представить не отдельные фрагменты, а все произведение как одно большое письмо. И. А. Гончаров дорожил эпистолярной формой как жанром, который предоставляет художнику большую свободу, позволяет избавиться от всего, что «задерживает и охлаждает резвое течение мысли и воображение», и считал поэтому его наиболее подходящим для изложения путевых наблюдений.

Таким образом, с помощью жанровых определений и стилизации жанров, обобщающих понятий, сквозных образов и мотивов И. А. Гончаров осуществляет свой литературный замысел — создает во «Фрегате «Паллада» картину мировой жизни.

Эта книга писателя явилась новым этапом в истории литературы «путешествий», обогатив представления о возможностях такой жанровой формы, как «путешествие».